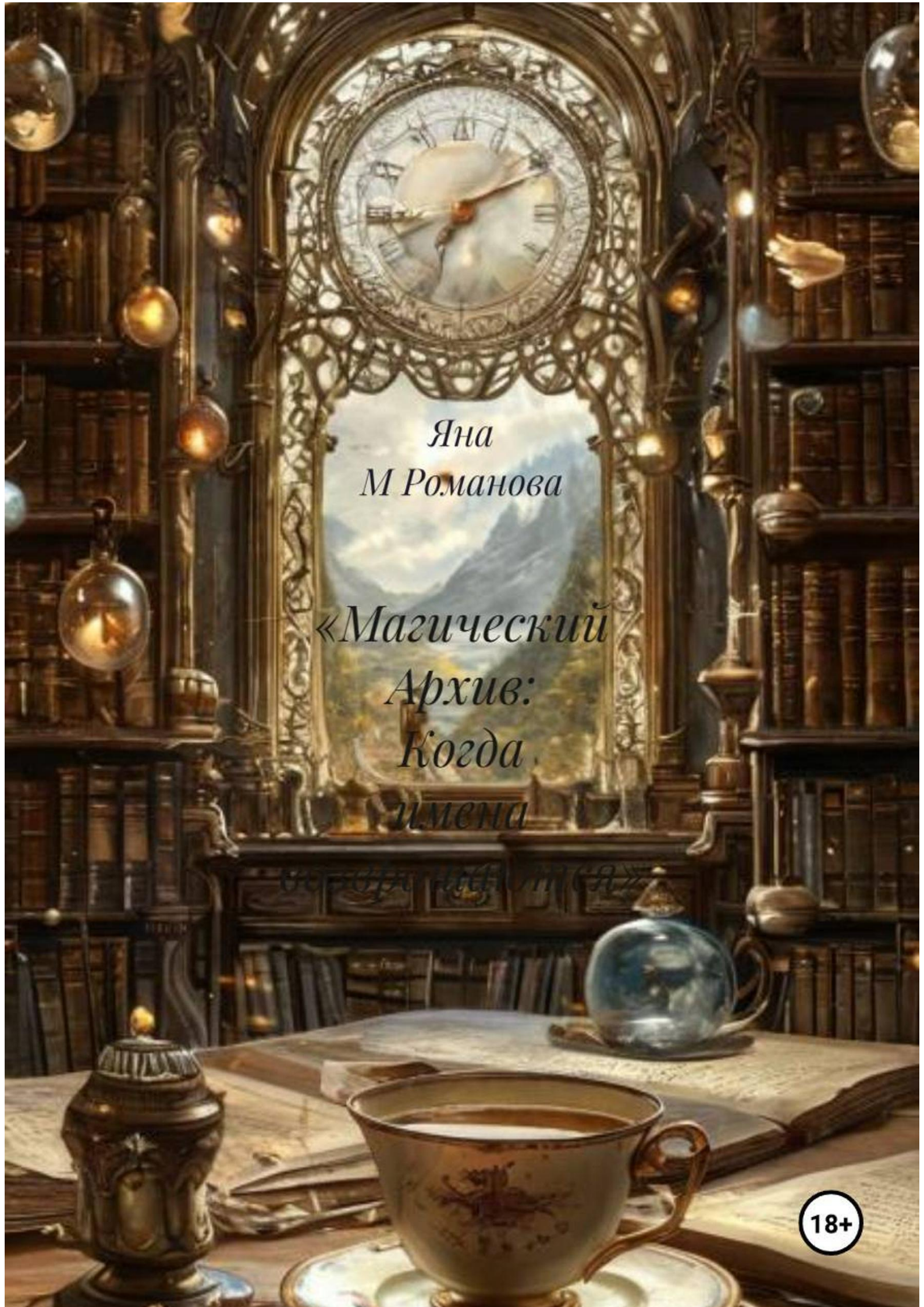

Яна
М Романова

«Магический
Архив:
Когда
имена
возрождаются»

18+

Яна М Романова

**«Магический Архив: Когда
имена возвращаются»**

«Автор»

2026

Романова Я.

«Магический Архив: Когда имена возвращаются» /
Я. Романова — «Автор», 2026

Представьте себе место, где время течёт медленнее, чем в чашке остывающего чая, а воздух пропитан шелестом тысячелетних пергаментов. Добро пожаловать в Магический Архив — место, где боги-хранительницы и их помощники балансируют на грани между вселенским хаосом и идеальным порядком. Оказывается, Главный Хранитель явился с «архивным настроением», а это значит: впереди ревизия пророчеств, сверка временных линий и... катастрофа! Запас пузырькового волшебства на исходе, а ответственная за закупки фея укатила в отпуск разглядывать созвездие «Любовный путь» через телескоп от жениха-астролога. Что делать, когда буквы в манускриптах норовят перепрыгнуть со строки на строку, а пророчества маскируются под кулинарные рецепты? Искать сосуд с искрами первозданного света, конечно! В компании фамильяра Зифира (который наполовину сон, наполовину туман) Готовы окунуться в мир, где книги живые, пророчества капризные, а хранительницы — с характером? Тогда вперёд — страницы уже шепчут ваше имя!

© Романова Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Архивное настроение	6
Глава 2. Хранители Магического Архива (и временно потерянная фея заупок)	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Яна М Романова

«Магический Архив: Когда имена возвращаются»

Предисловие

Эта книга родилась не в тишине одинокой комнаты и не в безмолвии отрешённости от мира. Она появилась благодаря людям – не идеальным, но удивительным. Тем, кто каждый день рядом со мной творит маленькое (а порой и огромное) волшебство. Тем, кто, несмотря на собственные слабости и несовершенства, продолжает поддерживать и спасать свой мир – и мир вокруг себя.

Эта книга – благодарность.

Она – о том, как волшебство рождается из обыкновенных дней, из простых слов, из маленьких решений, которые мы принимаем снова и снова. О том, что чудо – не в сверхъестественном, а в способности оставаться человеком в любых обстоятельствах.

Пусть эта книга станет для вас напоминанием: в каждом из нас живёт способность творить волшебство. Оно – в доброте, в сочувствии, в упорстве, в любви. И пока мы помним об этом, архив мироздания будет пополняться новыми, светлыми главами.

С теплом и благодарностью,

Яна М Романова

Глава 1. Архивное настроение

Феечка Мари вихрем влетела в чертог богинь-хранительниц так, будто у мира закончился запас терпения, и кто-то забыл поставить печать на его существование.

На входе она едва не сбила библиотечного духа. Тот возмущённо чихнул, рассыпался облаком светящейся пыли и собрался обратно уже с выражением лица “я всё записал, это будет жалоба”.

– Владычицы мудрости! – выпалила Мари, приземляясь прямо на край мраморного стола. – Главный хранитель приходил! И... настроение у него сугубо архивное!

Крылышки у неё дрожали, разбрасывая по стенам радужные блики. Один блик нагло устроился на лбу у Катриэль, будто хотел там жить.

Богини переглянулись. Катриэль, самая спокойная из них, едва заметно поморщилась: на полированной поверхности стола остался мокрый след от ботинка.

Катриэль мысленно вздохнула так, чтобы никто не услышал. Опять вызывать уборщиц-призраков. Призраки, как известно, не моют. Они обсуждают.

“Архивное настроение” Главного хранителя обычно означало одно: где-то в мироздании что-то шевельнулось, и скоро всем придётся делать то, что никто не любит, но все умеют: сверять временные линии, распутывать пророчества и уговаривать древние манускрипты не изображать кулинарные рецепты.

Нерия подошла к одной из полок и провела по ней пальцем. Полка ответила обидной пустотой.

В волосах Нерии тихонько зазвенели колокольчики. Это всегда случалось, когда вселенная готовилась к неприятному сюрпризу, а Нерия готовилась к ещё более неприятному отчёту.

– И как назло, – сказала она, глядя на пустое место так, будто там должен был стоять смысл, – запас пузырькового волшебства подходит к концу.

Мари моргнула и добавила, будто это добывает картину, но на самом деле добывает всех: – А Лира, ответственная за закупки, ушла в отпуск. К своему земному жениху-астрологу.

– В отпуск, – повторила Нерия так, будто слово было проклятием.

– Он подарил ей телескоп, – продолжила Мари, морща носик. – И теперь она целыми днями разглядывает созвездие “Любовный путь”. Сказала, что это важно для баланса сердца и бюджета. Я не спорила. Я испугалась.

В зале повисла тишина. Не просто тишина, а такая тишина, когда даже стены понимают: сейчас будет совещание, а потом подвиг.

Пузырьковое волшебство в Архиве считали чем-то несерьёзным только те, кто ни разу не пытался читать ветхий манускрипт без искрящейся подпитки. Без пузырьков буквы начинали вести себя как подростки: прыгали, спорили, изображали непонимание и сбежали со строки на строку. Пророчества при этом легко маскировались под рецепты пирогов, а иногда и под список дел.

Ольвея, парящая чуть выше пола, поправила небесный каталог. Её волосы были похожи на утренние облака: красивые, мягкие и очень подозрительные, потому что облака редко приносят спокойствие.

– Что ж, – произнесла она с той благодатью, которой обычно говорят “всем приготовиться”, – придётся работать на чистом энтузиазме. Или... на запасе прошлогодних звёздных искр. Говорят, эффект бодрящий, но с горчинкой. Как у шампанского, если его забыли закрыть на ночь.

– Не напоминай, – буркнула Нерия. – Мы до сих пор не нашли, кто тогда устроил “праздник каталогизации”.

На стене висел древний свиток предупреждений. Он светился мягко, но надменно, как документ, который уверен, что прав.

Свиток гласил:

“Предупреждение от Главного Хранителя: умеренное употребление пузырькового волшебства повышает работоспособность богини на 30 процентов. Превышение дозы чревато последствиями: вместо чинной каталогизации древних пророчеств вы рискуете устроить в Архиве импровизированный мюзикл с участием всех древних текстов. А это не входит в должностные инструкции”.

Мари нервно поправила крылышки. – Но без пузырьков мы вообще ничего не прочтём.

Катриэль, наконец, заговорила. Спокойно. Ровно. Так, как говорят те, кто привык удерживать не только порядок, но и мир.

– Значит, найдём замену. Или источник.

Мари обернулась к своему фамильяру.

Зифир появился так, как умеют появляться только существа, которые считают дверь необязательной деталью реальности. Он скользнул из полутени, оставив за собой мерцающий след исчезающих символов. Опаловые глаза мягко светились, а в воздухе разлился тихий шелест, будто кто-то одновременно перелистнул десяток страниц.

– Без пузырькового волшебства будет трудно, – прошелестел Зифир, складываясь в подобие ободряющей улыбки, – но не невозможно. Я чувствую: где-то в глубинах Архива спрятан забытый сосуд с искрами первозданного света. Он поможет прочесть даже самые упрямые пророчества.

– Ты уверен? – Мари потянулась к нему. Пальцы на миг окутало прохладное сияние, на коже проступили и тут же растаяли знаки, как чернила, которые передумали быть чернилами. – Архив огромен, а времени...

– Время – лишь иллюзия для тех, кто умеет читать его потоки, – отозвался Зифир. Его хвост оставил в воздухе цепочку иероглифов, складывающихся в карту. – Следуй за мной. Я помню пути, забытые даже хранителями.

Нерия приподняла бровь с выражением “всё, конечно, прекрасно, но где гарантия”. – Мари, ты всерьёз собираешься довериться... этому? Он же наполовину сон, наполовину туман.

– Он моя связь с забытыми знаниями, – твёрдо ответила Мари. – И, если Зифир говорит, что сосуд существует, значит, мы его найдём.

Катриэль задумчиво провела пальцем по краю пустой полки. На мгновение ей показалось, что камень под пальцами дрогнул, будто сам Архив вздохнул. Или закатил глаза.

– Пусть попробуют, – сказала она. – Отчаянные времена требуют отчаянных мер. Но помните: если пророчества начнут рассыпаться у вас в руках...

– Мы успеем, – прошелестел Зифир, уже растворяясь в полумраке между стеллажами. – Ибо я – память, что не знает забвения.

Мари прыгнула следом.

Лабиринт Архива

Чем глубже они уходили, тем гуще становился воздух. Здесь пахло временем: сухой пылью веков, чернилами и лёгким, едва уловимым шипением, будто сама реальность вспоминала о пузырьках и чуть ревновала.

Свитки переговаривались шёпотом на древних языках. Тени между стеллажами казались живыми и слегка раздражёнными, как если бы их разбудили без предупреждения.

Интересно, подумала Мари, если бы Архив мог говорить вслух, о чём бы он рассказал? О первых творцах? О забытых войнах? Или о том, как однажды мир чуть не рассыпался в пыль из-за неправильной запятой?

Зифир плыл впереди, и каждый его “шаг” будил символы на стенах: вспыхивали руны, проступали очертания неведомых созвездий, а один особенно вредный знак несколько раз пытался притвориться декоративным узором.

– Здесь, – наконец сказал Зифир и остановился.

Он сгустился в изящную кошачью фигуру. Опаловые глаза вспыхнули ярче. – Под слоем пыли веков. Сосуд ждёт того, кто осмелится прочесть его тайну.

В нише между двух массивных томов мерцал едва заметный контур древнего сосуда, покрытого паутиной времён. Мари протянула руку, и Зифир обволок её ладонь прохладным туманом, как защитной перчаткой.

– Готовься, – прошептала Мари и осторожно вытащила находку.

Сосуд оказался удивительно лёгким и прохладным, словно сплетён из лунного света и застывшего дыхания ночи. По поверхности пробежали всполохи, как если бы внутри тлели миллионы крошечных звёзд.

– Осторожно, – предупредил Зифир. – Этот сосуд древнее самого Архива. Он помнит времена, когда слова ещё только учились быть опасными.

Мари приподняла крышку.

Зал наполнился мягким сиянием.

Внутри, в серебристой дымке, покоились искры первозданного света. Они вспыхивали и затухали в такт неизвестному ритму, как крошечные бокалы, которые кто-то осторожно чокает в тишине.

– Они... поют, – прошептала Мари. – Слышишь?

– Это не песня, – ответил Зифир. – Это память. Каждая искра хранит отголосок сотворения. Забытые имена. Следы миров, что так и не родились.

Одна искра сама поднялась, как будто ей надоело ждать, и коснулась ближайшего манускрипта. Страница очистилась от вековой пыли, буквы выстроились в стройные строки, будто их вызвали на построение.

Мари прочитала вслух:

“Когда осколки Первозданной материи соберутся воедино, мироздание переродится. Но если их коснётся искра изначального замысла, путь к спасению откроется через забытое имя...”

– Пророчество, – выдохнула Мари. – Настоящее. Не искажённое.

Зифир обвинил сосуд туманом, будто прятал его от глаз самой судьбы. – Искрами можно не только читать тексты. Они способны восстановить разорванные нити. Но нужно понять, какое имя скрыто в пророчестве.

Мари достала маленький блокнот с обложкой из крыльев светлячка и торопливо записала слова.

– “Забытые имена”... – прошептала она. – Где об этом ещё пишут?

Зифир вывел в воздух три светящихся символа, и они сложились в карту тайных хранилищ. – Там, за воротами из лунного камня, хранится книга, которую писали сами тени прошлого. В ней – имена всех, кого мир предпочёл забыть.

– Но ворота открываются только раз в сто лет!

– Не для нас, – сказал Зифир. – Я помню мелодию их создания.

Он поднял лапу, и в воздухе зазвучала тихая песнь: то ли звон хрустальных колокольчиков, то ли шёпот ветра. Стеллажи дрогнули, и между ними проявился арочный проход, обрамлённый лунным камнем.

Мари глубоко вдохнула. – Пойдём. Если эти имена действительно там, мы их найдём.

Тень, которая не любит память

В тот же миг в сокровенной части Архива, куда не проникал даже отблеск лунного света, дрогнул древний камень. Из трещины выползло нечто бесформенное: сгусток тьмы с мерцающими алыми точками вместо глаз.

– Они нашли сосуд, – прошелестело существо, и голос его был похож на скрежет металла по стеклу. – Значит, время пришло.

Тень растянулась и скользнула вдоль стен, оставляя след из выжженных символов. – Забытые имена... Кто сказал, что их стоит вспоминать?

Слова разлетелись по коридорам ядом сомнения.

Книга забытых имён

Мари и Зифир вошли в тайное хранилище. Воздух здесь был плотный, словно пропитан веками молчания. Каждый шаг отдавался эхом так, будто Архив проверял их решимость.

Перед ними возникла огромная книга, сплетённая из теней. Страницы колыхались, будто живые. Буквы появлялись и исчезали, как будто боялись быть прочитанными.

– Вот она, – сказал Зифир. – Книга забытых имён.

Едва Мари приблизилась, ветер вырвался из страниц, и буквы сложились в предупреждение:

“Кто прочтёт эти имена, тот примет их судьбу”.

Мари отпрянула. – Что это значит?

– Их истории – раны, – тихо ответил Зифир. – Если ты откроешь книгу, ты возьмёшь часть боли на себя.

Мари посмотрела на сосуд с искрами. Потом на книгу. Страх мелькнул – и уступил место решимости.

– Если это единственный способ спасти Архив... я готова.

– Тогда произнеси ключ, – сказал Зифир. – Я помню то, что забыто. Я вижу то, что скрыто. Я принимаю то, что отвергнуто.

Мари повторила слова. Тихо. Но твёрдо.

Страницы раскрылись.

Имена сияли, как живые нити света, уходящие в глубину мира. Мари прикоснулась к первой строке – и увидела видение: храм из чёрного хрусталя, фигура в плаще, тени, крики, заклинание стирания.

Она отдернула руку, дыша слишком быстро. – Кто это?

– Его истинного имени мы не знаем, – ответил Зифир. – В записях он проходит как Тот, Кто Переписывает. Он верит, что “исправляет” мир.

Мари сглотнула. – А если он ошибается?

Зифир указал на строку, светившуюся ярче остальных:

Элис, Хранитель Перекрёстков

– Вот оно, – прошептал он. – Забытое имя. Ключ.

И тут по залу прошёл ледяной сквозняк. Имена начали тускнеть, будто кто-то стирал их невидимой рукой.

Из темноты выступила тень. Алые глаза горели ярче. – Ты не понимаешь, что делаешь, – прошипела она. – Эти имена – яд. Их нужно забыть.

– Они имеют право быть услышанными, – ответила Мари, прикрывая имя Элиса ладонью.

– Несправедливость – иллюзия, – перебила тень. – Мир выживает, избавляясь от лишнего. Ты хочешь вернуть хаос?

Зифир шагнул вперёд. – У тебя нет права решать за всех.

Тень рассмеялась звоном разбитого стекла. – О, я не один. Нас много. И мы следим.

И растворилась.

Клятва и цена

Мари смотрела на имя Элиса. – Что теперь? Мы можем вернуть его?

– Возможно, – ответил Зифир. – Но это потребует равноценной платы. Архив никогда не даёт силу “по акции”, даже если очень хочется.

– Платы? – Мари сглотнула и машинально прижала к груди сосуд с искрами. – Я могу... заплатить чем угодно, кроме крыльев. Мне они нужны. Я ими торможу.

Зифир издал звук, подозрительно похожий на смешок, только очень воспитанный. – Крылья оставим. Плата будет тоньше. Чтобы имя ожило, нужно отдать часть себя, разделить боль. Не кровь. Не кости. Часть судьбы. Маленькую. Но важную.

– Это звучит... страшнее, чем кровь, – честно сказала Мари.

Страницы Книги забытых имён дрогнули, словно одобряли эту оценку. В глубине переплёта прошёл шёпот, похожий на лёгкое шипение. И Мари вдруг подумала: так шипит пузырьковое волшебство, когда его наливают небрежно, и оно сердится.

– Слушай внимательно, – сказал Зифир. Его голос стал ровнее, глубже, как у тех, кто помнит слишком многое. – Чтобы имя не осталось просто буквами, ты должна стать для него голосом. Произнеси клятву: “Я принимаю твою судьбу как свою. Я помню то, что ты забыл. Я стану голосом для тех, кто не может говорить”.

Мари посмотрела на сияющую строку: Элис, Хранитель Перекрёстков.

Имя светилось так, будто знало: его сейчас либо спасут, либо снова сотрут. И от одной этой мысли у Мари сжалось сердце.

– Если я это сделаю... – тихо сказала она. – Я перестану быть собой?

– Нет, – ответил Зифир. – Ты станешь собой глубже. Но часть привычного уйдёт. И ты должна принять это спокойно. Без истерики. Архив не любит истерики. Он начинает отвечать загадками.

– Он и так отвечает загадками, – буркнула Мари.

– Тогда не усугубляй, – вполне серьёзно сказал Зифир.

Мари вдохнула. Потом ещё раз. Потом решила, что третий вдох будет уже роскошью, и произнесла клятву. Тихо, но так твёрдо, что даже тени у стен перестали шевелиться, будто слушали.

– Я принимаю твою судьбу как свою. Я помню то, что ты забыл. Я стану голосом для тех, кто не может говорить.

Книга будто выдохнула.

Имя Элиса вспыхнуло ослепительно. Свет ударил в ладонь Мари, не горячо, а странно: как мороз, который несёт ясность. На коже проступил узор – знак перекрёстков: тонкие линии, расходящиеся в разные стороны и сходящиеся в одной точке.

– Ай... – вырвалось у Мари, но это было не больно. Это было... весомо. Как если бы на тебя надели невидимую корону и сказали: “Поздравляем. Теперь ты ответственная”.

Свет втянулся в её руку и исчез, будто стал частью неё.

Книга задрожала. Страницы начали закрываться сами, будто торопились спрятать остальных от чужого взгляда. Имена на мгновение вспыхнули и погасли, как звёзды, которым не позволили быть звёздами.

– Что происходит? – Мари оглянулась, чувствуя, как воздух становится гуще.

– Равновесие, – ответил Зифир. – Ты взяла имя. Значит, мир должен где-то компенсировать.

Мари хотела сказать “компенсировать чем”, но вдруг запнулась.

В голове всплыло воспоминание: маленькая игрушка из перьев, которую ей подарили в первый день обучения. Она ясно видела её минуту назад... а теперь не могла вспомнить ни цвет, ни форму. Только ощущение радости. И это было странно болезненно: как будто у тебя забрали этикетку, а подарок оставили.

– Подожди... – Мари коснулась виска. – Я... я не помню, как звали мою первую наставницу.

Она знала, что была наставница. Знала, что та пахла чернилами и мятой. Но имени не было. В месте, где оно должно было быть, стояла пустота.

– Это и есть плата, – тихо сказал Зифир. – Ты отдаёшь часть своей личной судьбы, чтобы принять и удержать чужую. Чтобы имя Элиса не ушло обратно в небытие.

– Но это... нечестно, – прошептала Мари. – Я не хочу отдавать хорошее.

– Тьма всегда берёт хорошее первым, – спокойно сказал Зифир. – И всегда надеется, что ты сдашься. Но ты не сдашься. Потому что теперь ты держишь не только свет. Ты держишь смысл.

Мари сжала кулаки. Узор на ладони мягко засветился, будто отвечая.

И вдруг... звякнуло.

Тот самый звон, который слышали все хранители, когда Нерия тревожилась. Обычно это было где-то далеко, но сейчас прозвучало так близко, будто колокольчики звенели прямо у Мари над ухом.

Зифир резко поднял голову. – Нас зовут.

– Богини? – Мари выпрямилась, пытаясь не показать, что у неё слегка дрожат колени. – Уже?

– Время вышло, – сказал Зифир. – Осколки Первозданной материи пробуждаются. А тот, кто стирает имена, уже почувствовал движение.

Словно в подтверждение его слов, по коридору прошёл холодный шёпот. Не голос. Не звук. Скорее ощущение, что на тебя смотрят с другой стороны страницы.

Мари прижала сосуд с искрами. Они внутри вспыхнули ярче, будто разозлились. – Значит, идём к богиням. И расскажем всё.

– Да, – кивнул Зифир. – Идём быстро. И не оглядываемся. Архив любит, когда на него смотрят с уважением, а не со страхом.

– А если я всё же оглянусь? – спросила Мари, потому что иногда ей нужно было проверить, насколько серьёзна реальность.

– Тогда увидишь, что за нами идёт тень, – сухо ответил Зифир. – И, поверь, ты не захочешь проверять, умеет ли она улыбаться.

Мари решила, что это убедительно.

Они вышли из хранилища. Врата из лунного камня закрылись за ними мягко, будто вздохнули. И где-то внутри, очень глубоко, книга окончательно сомкнула страницы.

Но тишина не вернулась полностью.

В коридорах Архива стало... беспокойнее. Как будто стены слушали не их шаги, а что-то иное.

По пути Мари несколько раз ловила себя на странных паузах: она хотела вспомнить простое слово и не могла. Это раздражало и пугало одновременно.

– Зифир, – прошептала она на ходу, – если я буду продолжать терять судьбу... я забуду всё?

– Нет, – ответил он, не замедляя движения. – Ты потеряешь мелочи, которые держат тебя за прошлое. Но приобретёшь то, что держит тебя за мир. Это тяжело. Но не смертельно. По крайней мере, чаще всего.

– “Чаще всего” звучит, как подпись на опасном свитке, – буркнула Мари.

– Так и есть, – согласился Зифир. – Архив – это место, где “чаще всего” считается оптимизмом.

Когда они добрались до чертога богинь, Мари влетела внутрь уже не вихрем, а почти дисциплинированно. Почти. Библиотечный дух на входе на всякий случай отлетел в сторону. Пыль у него была рассыпана ещё с прошлого чиха.

Катриэль подняла взгляд первой. Её лицо оставалось спокойным, но глаза внимательно прочитали Мари быстрее, чем любая книга.

– Ты вернулась, – сказала Катриэль. – И я вижу, что не с пустыми руками.

Нерия подалась вперёд. Колокольчики в волосах звякнули тревожно, но уже не хаотично: они звучали так, будто сами пытались найти нужную ноту. – Мари... что с твоей ладонью?

Мари раскрыла руку. Узор перекрёстков вспыхнул мягким светом.

В зале повисла тишина.

Даже Ольвея перестала парить “с удобством” и зависла ровно, словно её поставили на паузу.

– Ты открыла Книгу забытых имён, – тихо сказала Катриэль. Это не было вопросом.

– Да, – ответила Мари. – И я... нашла имя. То самое, из пророчества.

Она подняла сосуд с искрами. – И я нашла это. Искры первозданного света. Они очищают тексты. Они показывают память. Они... не дают буквам сбежать.

Нерия недоверчиво прищурилась. – Это звучит слишком хорошо. Где подвох?

– Подвох в том, – сказала Мари и сглотнула, – что я заплатила судьбой. Я уже отдала кое-что... хорошее.

Нерия на мгновение замолчала, и колокольчики в её волосах прозвенели тише. Как будто даже они поняли, что тут не до сарказма.

Катриэль подошла ближе и осторожно коснулась узора на ладони Мари. Свет не обжёг. Он признал её прикосновение.

– Какое имя? – спросила Катриэль.

Мари вдохнула. – Элис. Хранитель Перекрёстков.

Слово “Элис” прозвучало так, будто в Архиве кто-то невидимый резко поднял голову. Где-то далеко шелестнули страницы, хотя никто их не трогал.

Ольвея прошептала: – Значит, он был не легендой.

Нерия быстро раскрыла ближайший каталог и замерла. – Странно... – сказала она. – В каталоге это имя есть... но как будто с дырой вокруг. Как пятно, которое пытались стереть, но бумага всё равно помнит, что там было слово.

Катриэль выпрямилась. – Мы должны действовать. Если имя возвращается, значит, тот, кто стирает имена, почувствует это.

– Он уже почувствовал, – сказал Зифир, появляясь у плеча Мари. – Я видел тень в глубине. Она не одна. Она шепчет сомнение. Она будет пытаться убедить вас, что помнить опасно.

Нерия фыркнула, возвращая себе обычный тон, как броню. – Опасно не помнить. Особенно где я оставила кофе.

Ольвея мягко улыбнулась. – Нерия, иногда ты говоришь вещи, которые звучат как шутка, но работают как заклинание.

– Я талант, – сухо сказала Нерия. – Просто недооценённый.

Катриэль посмотрела на Мари серьёзно. – Ты принесла нам инструмент. И ключ. И предупреждение. Но ты принесла ещё кое-что: выбор. Мы либо будем помнить и бороться, либо дадим тьме переписать мир.

Мари кивнула. Её крылья дрожали, но уже не от страха, а от решимости. – Тогда начнём. Я покажу, где Книга. И что она сказала. И... что я видела.

На мгновение Мари захотела вспомнить лицо своей наставницы. Хоть имя. Хоть одну букву. Но память не вернулась.

И всё же внутри было странное тепло: вместо потерянного имени в ней будто поселилась новая нить, связывающая её с теми, кого забыли.

Катриэль подняла руку, и вокруг стола вспыхнул мягкий круг света – знак совета, знак решения. – Хранители, – произнесла она. – С этого момента мы работаем не только с текстами. Мы работаем с памятью мира и нам нужен кристалл Первозданного Света, если мы планируем успеть.

И где-то в глубине Архива, очень далеко от их чертога, тьма тихо шевельнулась, словно услышала своё имя. Хотя имени у неё не было.

Она просто знала: игра началась.

Глава 2. Хранители Магического Архива (и временно потерянная фея закупок)

Магический Архив – место, где время иногда путает календарь, свитки шепчут тайны тысячелетий, а полки тянутся так далеко, что некоторые из них уверены: они уже другой континент.

Здесь трудятся хранители – те, кому доверено удерживать мироздание в равновесии. Каждый из них не просто страж знаний, а живая часть Архива: как закладка, которую невозможно потерять... если не вмешается Стассия.

И да, у каждого есть профессиональные особенности. В Архиве это называют “характер”. В других местах – “пожалуйста, держите этого человека под присмотром”.

Важное уточнение, чтобы никто не делал вид, что не слышал: Лира, фея закупок и священного учёта, сейчас в отпуске. С земным женихом-астрологом и телескопом. То есть Архив сейчас живёт в режиме “когда вернётся Лира, она нас всех убьёт, но сначала посчитает”.

Нерия: симфония порядка (и личная война с пустым кофейником)

Первое, что замечают при встрече с Нерией, – густые тёмные волосы, которые живут своей жизнью и, что особенно важно, звенят.

Да, звенят. Тончайший перезвон, словно сотни крошечных колокольчиков ведут переговоры о судьбе пунктуации. Чем серьёзнее мысль Нерии, тем громче мелодия: от нежной трели “здесь нужна запятая” до набата “кто посмел поставить точку с запятой в пророчестве о конце света”.

– Опять “Марш строптивых запятых”, – вздыхает Ольвея, когда Нерия в очередной раз заводится из-за расстановки знаков в древнем тексте.

Нерия невысокая, но с такой осанкой, что даже древние гримуары невольно выравниваются на полках при её приближении. На носу у неё очки в тонкой серебряной оправе. Она поправляет их так, будто подписывает приговор реальности.

Её рабочий стол – образец идеального хаоса: стопки пергаментов (строго по категориям: “срочно”, “очень срочно” и “почему это до сих пор живёт без печати”); кристаллы-закладки; чернильницы разных эпох (от “Кроваво-алого XI века” до “Нежно-лавандового рассвета”); крошечный голем помощник, который уже научился вздыхать.

Нерия въедлива так, что, если где-то дата не совпадает с астрономическим событием, она найдёт. Если совпадает – проверит ещё раз “на всякий случай”.

И сейчас, в отсутствие Леры, Нерия делает то, чего боится любой разумный хранитель: пытается заменить фею закупок.

– Я не боюсь хаоса, – заявила Нерия однажды утром. – Я просто не люблю, когда он без отчёта.

Через десять минут она обнаружила, что “запас пузырькового волшебства” записан карандашом Стассии как “примерно много, но не точно”, и её волосы выдали такой набат, что один свиток сам себя переписал из страха.

Ольвея: танец между строк (и умение успокаивать книги)

Ольвея Воздушная не ходит по Архиву. Она скользит. Порхает. Иногда, если настроение особенно вдохновенное, делает вид, что гравитация – это рекомендация.

Хрупкая фигура, светлые волосы, похожие на сплетение утренних облаков, и след из едва заметного свечения за спиной. Когда Ольвея рядом, даже самые злые книги становятся... слегка менее злыми.

Главная задача Ольвеи – встречать посетителей и не дать им:

а) заблудиться, б) потрогать запретный гримуар, в) решить, что они “просто посмотрят одним глазком”.

Она одинаково уверенно разговаривает: с учёными – на языке терминов и тонкой иронии (“Ваш трактат о трансмутации лягушек впечатляет. Особенно та часть, где они начинают петь оперу”); с юными магами – понятно и с предупреждением (“Вот эта руна – как кнопка перезагрузки. Не нажимай её в полнолуние. И вообще не нажимай”); с важными персонами – учтиво, но с характером (“Чай с предсказанием судьбы или без? Учтите: с предсказанием иногда идёт бонусом самокритика”).

Её маленький секрет: когда Архив пустеет, она устраивает воздушные представления. Кружится среди полок, создаёт вихри из светящихся страниц и напевает мелодии, которые слышат только древние книги. От этого они становятся послушнее.

– Ты опять разбросала свитки? – строго спрашивает Нерия, обнаружив пару манускриптов, мирно дремлющих на люстре.

– Они сами захотели полетать, – смеётся Ольвея. – К тому же теперь они точно запомнят, где их место.

Катриэль: свет, слитый с камнем (и загадочная тоска по кофе)

Катриэль Лучезарная – та, про кого говорят: “она была здесь всегда” и почему-то все сразу соглашаются.

Когда она проходит между стеллажами, воздух мерцает, как будто кто-то рассыпал золотые искры и забыл убрать. Волосы Катриэль – поток света, ниспадающий до самых пят, переливающийся оттенками зари. Глаза – два озера лазури, в которые лучше не смотреть слишком долго, иначе начнёшь честно думать о своей жизни.

Катриэль не просто охраняет Архив. Она слита с ним: её дыхание – шелест страниц; её пульс – ритм потайных хранилищ; её свет – тот самый щит, от которого тьма не “отступает”, а вспоминает, что у неё дела в другом месте.

Но даже у Катриэль есть слабость. Кофе. Тут они схожи с Нерией.

Кофе из древнего рецепта, из зёрен, собранных на рассвете в долине Вечных Туманов. Она почти не помнит вкус – как будто кто-то когда-то пытался стереть саму идею “кофе” из памяти мира. Но тоска осталась, как закладка в книге, которую забыл вернуть на полку.

– Если бы ты знала, сколько раз я прятала от неё кофейник, – вздыхает Нерия. – Она готова обменять на него том пророчеств о конце света.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.